

Мифологический образ и его литературно-фольклорные трансформации

УДК 82-343(510)

DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-10-26

Ежи-оборотни в китайских текстах X–XIX вв.

Ольга М. Мазо

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия, olga_mazo@list.ru

Аннотация. В китайской культуре духи-ежи относятся к нескольким типам духов. Это могут быть звери-оборотни, которые превращаются в людей и взаимодействуют с человеком. В отличие от других животных, например лис, ежи-оборотни не были очень популярными персонажами, несколько рассказов о них представлены в «Тайпин гуан цзи», «Тайпин юй лань» (X в.), а также в сборнике рассказов об удивительном «Куй чэ чжи» (XII в.). В большинстве случаев ежи в образе пожилых людей, у которых сохраняются некоторые зооморфные черты, встречаются с людьми во дворе или в доме и не причиняют им вреда. Другой тип ежей-оборотней – это священные животные, чей культ получил распространение при династии Цин и остается популярным до сих пор. Эти духи, поселяясь в семье, обеспечивают ей процветание и получают способность к оборотничеству только после достижения бессмертия. Рассказы о различных духах-ежах представлены в сборнике Ли Цинчэна «Рассказы Цзуйча об удивительном» («Цзуйча чжигуай»), изданном в 1892 г. Эти истории произошли в г. Тяньцзинь, где был очень популярен культ белой ежихи. В некоторых из них персонаж обладает особенностями, характерными для разных типов духов.

Ключевые слова: Китай, фольклор, верования, священные животные, ежи-оборотни, Тайпин гуан цзи, Куй чэ чжи, Цзуйча чжигуай

Для цитирования: Мазо О.М. Ежи-оборотни в китайских текстах X–XIX вв. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 1. С. 10–26. DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-10-26

Were-hedgehogs in Chinese texts of the 10th – 19th centuries

Olga M. Mazo

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Higher School of Economics – National Research University,
Moscow, Russia, olga_mazo@list.ru*

Abstract. In Chinese culture, hedgehog spirits refer to several types of spirits. These can be animal-demons that can transform into humans and interact with humans. Unlike other animals, for example, foxes, hedgehogs were not very popular characters. Several stories about them can be found in ‘Taiping guang ji’, ‘Taiping yu lan’ (10th century), as well as in a collection of tales about the weird, ‘Kui che zhi’ (12th century). In most cases, hedgehogs, in the form of elderly people retaining some zoomorphic features, encounter humans in the yard or in the house and do not harm them. Another type of were-hedgehogs are sacred animals, the cult of whom spread during the Qing era and remains popular to this day. Those spirits, having settled in the family, ensure its prosperity and acquire the ability to shapeshift into humans only upon achieving immortality. Stories about various hedgehog spirits are presented in the collection by Li Qingcheng, ‘Zuicha’s Tales of the Weird’ (‘Zuicha zhiguai’), published in 1892. Those stories take place in Tianjin, where the cult of the white hedgehog was very popular. In some of those, the character displays features of different types of spirits.

Keywords: China, folklore, beliefs, sacred animals, were-hedgehogs, Taiping guang ji, Kui che zhi, Zuicha zhiguai

For citation: Mazo, O.M. (2020), ‘Were-hedgehogs in Chinese texts of the 10th – 19th centuries’, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 1, pp. 10–26, DOI: 10.28995/2658-5294-2020-3-1-10-26

В китайской культуре оборотни – многочисленный и разнообразный тип персонажей. Чаще всего это растения и животные, которые превращаются в других животных, а также животные, растения или неодушевленные предметы, которые превращаются в людей. Одними из самых популярных духов-оборотней являются животные, которые (по разным причинам и с разными целями) могут превращаться в человека. Наиболее известными представителями этой разновидности духов являются лисы-оборотни, которые, превращаясь в людей, чаще всего в прекрасных женщин, соблазняют представителей противоположного пола.

Рассказы об оборотнях встречаются как в художественных произведениях, так и в исторических хрониках. Оборотни могут превращаться в людей разного пола и возраста, быть настроены доброжелательно или враждебно к человеку. Сюжеты о них весьма разнообразны. Например, они могут жить в доме в качестве домашнего животного, человек может встретить оборотня и вступить с ним в борьбу, оборотень вредит человеку, оборотень соблазняет мужчину или женщину и многие другие (подробнее см., например [Алимов 2008; Алимов, Кравцова 2014, с. 443–450, 586–589, 597–599, 606, 617–618, 779–780, 806, 1023–1025, 1032–1037, 1067–1068, 1074–1078, 1089–1090, 1096, 1099–1100, 1106–1107, 1109, 1116–1119, 1129–1130 и др.; де Гроот 2000; Рифтин 1972, с. 12; Рифтин, Хасанов 1977, с. 21–22; Тertiцкий 2006]. Последствия от встречи с духами также могут быть различными: их может не быть вовсе – ни для человека, ни для оборотня или встреча может оказаться губительной для одного из персонажей.

Истории о ежах-оборотнях весьма малочисленны и встречаются в текстах не ранее X в. Нам удалось найти только три такие истории в трех памятниках династии Сун (960–1279): в энциклопедиях «Обширные записи годов Тайпин» (*Тайпин гуан цзи* 太平廣記) (977–978) и «Императорское обозрение годов Тайпин» (*Тайпин юй лань* 太平御覽) (977–983), а также в сборнике рассказов об удивительном Го Туаня «Записи о повозке духов» (Куй чэ чжи 睽车志 (2-я половина XII в.))¹.

Эти истории можно разделить на две группы. К первой относится текст из сборника «Гуан гу цзинь у син цзи»², включенный в две энциклопедии.

В конце династии Лян³ Фэй Би из Шу жал пшеницу. Разразилась гроза, и от дождя он спрятался в скалах. Когда пошел домой, до которого было несколько *ли*⁴, то увидел вдалеке несколько десятков женщин. Все они были одеты в пурпурные халаты и шли, распевая песни. Би очень удивился: как такое могло быть за городом? Это ему показалось странным. Женщины приблизились, замолчали и остановились в нескольких шагах от Би. Через мгновение все повернулись к нему спиной. Он подошел к ним, глянул, а у них на лице нет бровей, ушей, носа, рта, только свисают черные волосы. От страха Би потерял

¹ *Го Туань*. Куй чэ чжи [Записи о повозке духов] // Цзиньинь вэньюаньгэ сы ку цюань шу. Тайбэй: Тайвань шангу иньшугуань, 1986, т. 1047.

² «Расширенные древние и современные записи о пяти стихиях». Сборник составлен при династии Суй (581–618 гг.).

³ Династия Лян (502–557 гг.)

⁴ 1 ли = 0,5 км.

сознание и упал на землю. Когда наступила первая стража⁵, отец Би, удивленный его отсутствием, взял факел и отправился на поиски. Он увидел, что Би лежит у дороги, а слева [от него] – десять ежей. Увидев огонь, те сразу бросились врассыпную. Би вернулся домой и через сто с лишним дней умер⁶.

Текст в *Тайпин юй лань* немного отличается лексикой, например, там иначе описываются женщины: у них на лице не было семи отверстий, а отец пошел искать Би после второй стражи.

Ко второй группе относятся две истории, в которых ночью героям является белый старик или старушка.

В Восточной столице в квартале Жэньхэ стоял дом Сюй Циньмина. Однажды некий человек зимней ночью читал у горящего огня в комнате семьи Сюй. Он задремал и услышал звук шагов крысы или [ползущей] змеи. Внимательно пригляделся и увидел старушку, чье тело было покрыто белыми волосками. Она забралась на кровать поближе к печке, стала греть живот и почесываться. Была она небольшого роста, не похожа на обычного человека. Гость испугался и неожиданно громко вскрикнул. Оборотень свалилась на землю и бросилась бежать. Гость подумал, что дом обнесен высокой стеной, невозможно войти и выйти. Он позвал слуг, велел зажечь огонь и искать во дворе. В бамбуковой роще увидели большой камень, откатали его, достали белого ежа и убили⁷.

Однажды вечером *дафу*⁸ Яо Аньли остановился переночевать на почтовой станции. Слуги уже пошли отдыхать. Было лето, ночью было так жарко, что дафу не мог заснуть, встал и стал ходить за ширмой. Услышал во дворе шуршание, посмотрел в щель ширмы и увидел седовласого старца в белой одежде и высокой шапке, ростом примерно один *чи*⁹, который медленно шел, опираясь на посох, и, приложив руку ко лбу, смотрел вверх на луну. Яо сразу понял, что это не человек, и притаился за ширмой, чтобы не спугнуть. Вдруг перед стариком пролетел навозный жук, тот поднял посох и сбил жука, нагнулся, подобрал, разорвал его и съел. Яо, обнажив меч, бросился за стариком и повернул в боковую галерею у главного зала. Старик юркнул

⁵ Первая стража – с 19.00 до 21.00.

⁶ Тайпин гуан цзи. [Обширные записи годов Тайпин] / Ред. Ли Фан. Пекин: Чжунхуа шуцзюй. Т. 9. 2003. С. 3617.

⁷ Там же. Текст взят из сборника «Си цзин цза цзи» («Разные записки о западной столице»), составленного Гэ Хуном (283–343).

⁸ Дафу – чиновничья должность.

⁹ 1 чи = ¹/₃ метра.

в навозную кучу и исчез. Яо мечом сделал зарубку. На следующий день слуги разворошили кучу, достали огромного белого ежа. Сбоку у него был старый железный поднос и щипцы, которые и были его шапкой и посохом. Ежа убили. Станные вещи, творившиеся прежде на почтовой станции, с тех пор прекратились¹⁰.

Эти группы текстов довольно сильно отличаются и сюжетами, и характеристиками духов. В первом тексте оборотни имеют не совсем антропоморфный вид: у них отсутствуют отверстия на лице (глаза, нос, рот, уши). Хотя обычно звери-оборотни не имеют таких существенных отличий от людей, однако в некоторых текстах такие описания встречаются (ср., например, фрагмент из сборника «Ю мин лу», где у петуха-оборотня на руке было несколько десятков пальцев¹¹). В 7-й главе «Чжуан-цзы» приводится история о божестве середины Хуньдуне, у которого не было отверстий на голове. Два других божества, бог Северного моря Ху и бог Южного моря Шу, решили сделать ему семь отверстий, чтобы отблагодарить за доброту, но в результате их деятельности Хуньдунь умер. В *Тайпин гуан цзи*¹² есть еще одна история про странное существо в темных одеждах без семи отверстий на лице, но оно оказывается дальним предком встретившего его человека. Очевидно, что существа без лица из последних двух текстов являются духами иной природы, чем животные-оборотни, и сюжеты, связанные с ними, не похожи на историю несчастного Би. Поэтому такое перевоплощение ежей-оборотней можно считать нетипичным.

Еще одно важное отличие – это единственный сюжет, где встреча с духами происходит далеко от человеческого жилья, за городом в полях. Во всех остальных текстах встреча с оборотнями происходит в доме или во дворе дома. В результате неожиданной встречи герой погибает, хотя он не причиняет духам никакого вреда и не вступает с ними в борьбу.

В текстах второй группы ежи являются людям ночью в доме в виде маленького седого старичка в белой одежде или старухи, покрытой белыми волосками, которые потом превращаются в белых ежей. В китайской традиции белый цвет животного указывает на то, что это не простое существо, и часто именно белые животные являются духами (ср., например, истории о белых девятихвостых лисах). Ежи, превратившись в людей, во-первых, сохраняют свой

¹⁰ *Го Туань*. Куй чэ чжи [Записи о повозке духов] // Цзиньинь вэньюаньгэ сы ку цюань шу. Тайбэй: Тайвань шангу иньшугуань, 1986. с. 246а.

¹¹ *Лю Ицин*. Ю мин лу [Записи о тьме и свете] // Хань Вэй лю чао бицзи сяошо дагуань. Шанхай: Шанхай гуцзи, 2009. С. 726–727.

¹² Тайпин гуан цзи... Т. 8. С. 2927.

цвет в одежде и волосах, во-вторых, сохраняют и некоторые другие физиологические особенности: ночная активность, маленький рост, старушка покрыта белыми волосками (трансформированные иголки), старик ест навозного жука. Шапка и посох старика превращаются в железный поднос и щипцы. Использование различных предметов для превращения их в аксессуары встречается и в других текстах, например, выдра из 18-й главы «Записок о поисках духов» превратила листья водяной лилии в свою одежду и зонтик. В обоих текстах ежи не причиняют вреда людям, их обнаружившим. Они убегают, их находят и убивают, при этом для самих людей эта встреча не оказывается губельной или вредоносной. В тексте из *Куй чэ чжи* упоминается о том, что еж причастен к различным странностям, происходившим на почтовой станции, но не уточняется, каким именно¹³, в тексте из *Тайтин гуан цзи* информация о предыдущих проявлениях духа отсутствует.

Уникальность первого сюжета, возможно, объясняется тем, что в нем описывается случай, произошедший в землях Шу на территории современной провинции Сычуань, в регионе с давними культурными традициями, и этот текст отражает региональные фольклорные представления. Хронологически рассказ о крестьянине Би не является самым ранним, он относится к VI в. Самым ранним является рассказ о белой ежихе (IV в.). Однако очень ограниченное число текстов не позволяет сделать однозначные выводы об эволюции сюжета.

Позже, при династии Цин (1644–1911), появляется еще один вид оборотней – священные животные, чей культ остается популярным до сегодняшнего дня.

Культ священных животных существует в различных регионах Китая, особенно он популярен на северо-востоке (пров. Ляодун, Гирин и Хэйлуцзян), а также в городах Пекине и Тяньцзине, провинциях Шаньдун и Хэбэй. Обычно выделяется группа из четырех или пяти животных. В Пекине и окрестностях поклоняются четырем: лисе, хорьку, ежу и змее. Пятым животным может быть удав, крыса, заяц, тигр и др. [Li Wei-tsu 1948; Лю Чжэнхай 2007; Ли Цзюньлин, Дин Жуй 2014 и др.]. Священные животные обычно выглядят как обычные животные и могут стать бессмертными, занимаясь самосовершенствованием. Только после этого они могут превращаться в людей и жить среди них.

Подробное исследование культа священных животных в окрестностях Пекина в первой половине XX в. провел китайс-

¹³ Ср. с историей о победе над лисом-оборотнем, который убивал людей на почтовой станции, из «Ле и чжуань» [Алимов, Кравцова 2014, с. 444].

кий ученый Ли Вэйцзу [Li Wei-tsu 1948]. Священные животные – это покровители семьи, обеспечивающие ее покой и процветание. По своим функциям они схожи с богом богатства, и, согласно Ли Вэйцзу [Li Wei-tsu 1948, p. 9], еж является богом богатства в чистом виде. Если такое животное поселяется в чьей-то семье, то им ставят алтари в доме либо строят кумирни во дворе. Алтарь может располагаться в общем храме или в кумирне. В последнем случае дух охраняет деревню или какой-то район. У одной семьи может быть несколько духов-покровителей, например, у семьи Лян их было три: хорек, еж и змея [Li Wei-tsu 1948, p. 29]. Божествам необходимо регулярно делать подношения и воскурения, в противном случае они будут недовольны хозяевами и покинут семью, что приведет к ее разорению.

Имена духов табуированы: лису следует называть Ху (胡) (эта фамилия созвучна с китайским словом «лиса»); хорька – Хуан (黄, ‘желтый’, по первому иероглифу китайского слова «хорек»); ежа – Бай (白 ‘белый’ – по цвету священного животного; змею – Чан (长 ‘длинный’) или Лю (柳 ‘ива’), крысу – Хуэй (灰 ‘серый’). Духи могут быть разного пола и возраста, поэтому к фамилии добавляется термин родства: третий прадедушка Ху, тетушка Бай и т. д.

Священного ежа можно отличить по красным глазам, длинной белой шерсти на животе и жемчужному цвету кончиков иголок. Его цвет постоянно меняется от белого до серого и черного. В отличие от обычных ежей он очень активен не только ночью, но и днем [Li Wei-tsu 1948, p. 1]. Но зачастую священные животные по своему внешнему виду неотличимы от обычных.

У каждого животного свой путь совершенствования. Согласно Ли Вэйцзу, ежи совершенствуются, спрятавшись в тайном месте. Дойдя до определенного уровня, ежи должны выйти на дорогу и лечь под повозку. Если повозка их переедет и они останутся в живых, то они продолжают совершенствоваться. Если погибнут, то все их заслуги уничтожатся, и им придется начинать все сначала. Чтобы достичь бессмертия, ежи должны пройти через эту процедуру три раза. По словам Ли Вэйцзу [Li Wei-tsu 1948, p. 7], много больших ежей находят свою смерть под колесами.

Пока духи не обретут бессмертие, они не могут разговаривать. О своем недовольстве они сообщают, вселившись в человека или в статую на алтаре. Но понять их речь могут только специалисты-*сянтоу*, которых выбирает сам дух и чей род как-то связан с этим духом. Каждый такой специалист мог общаться только с определенным классом духов.

Если обидеть священное животное или не почитать его должным образом, то оно мстит обидчику или родственникам обидчика: вселяется в него, насылает болезни и т. д. Если же покалечить

или убить животное, то человек, совершивший это, будет наказан смертью, причем ненамеренность действия в расчет не принимается. Человек может случайно ранить или убить зверька, даже не подозревая, что это необычное животное, но расплата все равно будет неминуема. Ли Вэйцзу приводит один пример, когда его знакомый случайно ударил ежа ногой, и, не будучи уверенным в том, что это был обычный еж, пошел к *сянтоу*. Та, вступив с духом в диалог, выяснила, что это не было обычным животным, и еж потребовал в качестве компенсации три упаковки благовонных палочек [Li Wei-tsu 1948, p. 57].

В отличие от лис и хорьков ежи не такие вредные и мстительные. Ли Вэйцзу [Li Wei-tsu 1948, pp. 13–14] приводит историю о том, как два ребенка в семье тяжело заболели дизентерией. *Сянтоу* сказал, что ее наслал священный еж, который был недоволен непочтительным обращением: хозяева не делали подношений и воскурений, а также курили в доме слишком много опиума. За отказ от этой вредной привычки и ежедневные трехкратные воскурения еж готов был защищать родителей и детей этой семьи. Для того чтобы продемонстрировать свою силу, он обещал три раза кашлянуть ночью в их спальне. И действительно, дочь, спавшая в одной комнате с родителями, ночью три раза кашлянула.

Змеи и ежи терпимы к мусульманству. Так, в одной мусульманской деревне к северу от Пекина в каждой мечети под полом проживали священные змеи и ежи [Li Wei-tsu 1948, p. 23]. Священный еж в семье *сянтоу* Ли объявил себя мусульманином и категорически отвергал свинину. Он являлся в виде большого белого ежа с сияющими иголками. Дважды приезжие пытались приготовить в одной из комнат свинину, но в первом случае горшок упал с плиты, во втором — человеку стало плохо, но сразу стало лучше, как только свинину убрали из комнаты [Li Wei-tsu 1948, pp. 23–24].

О том, насколько сильны были представления о священных животных, пишет в своих дневниках и академик Алексеев:

В Пекине мне рассказывали такой случай. Министерство финансов строило где-то в провинции коммерческое училище. При постройке обнаружили двух больших змей и ежей, что, конечно, не столь удивительно в глухом месте. Однако руководство стройки посчитали этих тварей божественными, испугались несчастий и приказали ... срочно воздвигнуть храм в честь змей и ежей. Вместо коммерческого училища!¹⁴

¹⁴ Алексеев В.М. В старом Китае. М.: Восточная лит., 2012. С. 370.

Священные животные также считались покровителями некоторых профессий, например актеров, проституток, евнухов [Ли Цяо 1996, с. 97, 155, 192, 230–232; Е Тао 1994, с. 92]. По воспоминаниям актрис, названия животных были табуированы, их нельзя было трогать и смотреть на них. При виде священного животного необходимо было ему поклониться и совершить воскурение [Ли Цяо 1996, с. 155].

В г. Тяньцзинь сложился культ Старой тетушки Бай (老白太太). Ее изображение стояло в кумирне, в которой жила общавшаяся с ней шаманка. Тетушке Бай поклонялись как божеству-целителю. Когда кумирня была разрушена, статую переместили в главный городской храм – храм богини Мацзу. Сейчас она находится в зале, где поклоняются божествам, исцеляющим разные болезни.

Возможно, на образ священного ежа повлиял образ обычных ежей-оборотней, которые принимали облик седых старичков, неопасных для людей, и встречи с ними происходили в доме или во дворе дома. Интересно, что священные лисы также обладают некоторыми чертами обычных лис-оборотней: одним из мест их самосовершенствования были старые могилы, и они могли накапливать добродетели, исцеляя от болезней, которые сами и насылали [Li Wei-tsu 1948, pp. 5–6].

После революции 1911 г. культы священных животных были объявлены суевериями, однако им продолжали поклоняться до образования КНР в 1949 г. До 1980-х гг. культы были под запретом, но позже стали возрождаться. Согласно данным Лю Чжанъя [Лю Чжэнъай 2007], сейчас на северо-востоке Китая культ священных животных даже более популярен, чем культ предков, так как первые могут улучшить материальное положение семьи.

В сборнике «Рассказы Цзуйча об удивительном» (*Цзуйча чжигуай* 醉茶志怪 [1892]), написанном жителем г. Тяньцзиня Ли Цинчэном, представлены истории о различных духах-ежах: злых духах, ежах-оборотнях и священных ежах. В нем представлена только одна история об оборотнях, которая очень похожа на вышеприведенные рассказы о старичке и старухе:

Весенней ночью ученый муж из волости У читал и слышал за окном шелест листьев. Посмотрел, а это вихрем крутятся два ежа. Они закатились на задний двор. Ученый муж пошел за ними. Ежи завернули за стену и превратились в двух стариков, усы и волосы седые, ростом маленькие, они смотрели друг на друга и смеялись. Ученый муж в испуге спросил, кто они, но те внезапно исчезли¹⁵.

¹⁵ Ли Цинчэн. Цзуйча чжигуай [Рассказы Цзуйча об удивительном]. Цзинань: Цзилу шушэ, 2004. С. 109.

В этом тексте ежи тоже появляются ночью в доме в виде маленьких седых старичков и не причиняют никому вреда. В отличие от историй из *Куй чэ чжи* и *Тайтин гуан цзи* в их облике не присутствуют звериные черты, но у них тоже седые волосы и маленький рост. Увидевший ежей человек не собирается их убивать, но духи исчезают, не желая вступать с ним в контакт.

Несколько историй из этого сборника связаны со священными ежами.

Так, священный еж является в виде большого белого ежа с красными горящими глазами в родовом храме одного из горожан (ср. его описание с описанием Ли Вэйцзу, приведенным выше):

В родовом храме семьи Ли постоянно видели разные странные вещи. Смотритель храма ночью на заднем дворе увидел красный свет, яркий, как от дров, подумал, что это костер. Еще раз посмотрел, а это старый еж стоял внизу лестницы. Был он высотой с трехлетнего ребенка, бормотал что-то, похожее на человеческую речь, и глаза его блестели, словно факелы¹⁶.

Историй о белой ежихе две, и они объединяются в один текст. В одной рассказывается о чудесном исцелении:

В семье Янь заболел ребенок, его мать пришла в храм за него помолиться. Ночью ей приснилась женщина примерно тридцати лет, белолицая, в белой одежде, которая сделала сыну массаж. На следующий день сын внезапно поправился. Тогда мать решила, что это была госпожа Бай. Женщина пришла в храм и стала ей кланяться¹⁷.

Белый цвет лица и одежды, с одной стороны, обусловлен ее фамилией (Бай – ‘белый’), а с другой – цветом животных-духов.

В другой истории, которая приведена перед предыдущей, помимо ежихи участвует и другой персонаж китайского фольклора – белая змейка:

У деревенщин глупые обычаи: змею называют Лю, ежа – Бай, и это уже давно передается из поколения в поколение. За южными воротами есть храм «Восточная пагода». В нем – кумирня бессмертной. Посередине кумирни стоит фигурка старой женщины, ее почитают как старую матушку Бай. Однажды сказала она устами шаманки: «Вы знаете, кто я?» Люди ответили, что бессмертная Бай. Шаманка сказала: «Нет. Тот еж – пожиратель дерьма. Какая у него магическая сила?

¹⁶ Ли Цинчэн. Указ. соч. С. 171.

¹⁷ Там же. С. 208.

Я мать чжуаньюаня¹⁸, мне пожалован титул Матушки. С того момента, как я приняла обеты от учителя Фа Хая, много лет совершенствовалась в пагоде. Когда срок наказания истек, я снова увидела солнечный свет. Я дала великий обет, искореняю горести всех живущих. Не надо вам пренебрегать этим». Все благоговейно поддакивали и выражали почтение, зажгли благовония, совершили поклонения и сделали надпись на доске храма «Восточная пагода». Отсюда и пошло это название.

Глупые люди затем стали рассказывать об этом чуде. Они полагали, что для защиты от священного ежа надо многократно высказывать свое почтение. Не знали, еж это или змея. Как белизну белой змеи отличить от белизны белой ежихи?¹⁹

Впервые история о белой змейке встречается в сборнике Фэн Мэнлуна «Слово простое, мир предостерегающее» (*Цзин-ши тунъянь*), изданном в 1624 г.²⁰ По сюжету, молодой господин Сюй Сюань знакомится с прекрасной вдовой Бай, которая оказывается змеей-оборотнем, и только вмешательство буддийского монаха Фа Хая помогает герою избавиться от злого духа. Фа Хай закапывает белую змею и ее служанку, синюю рыбку, на территории храма Громого пика и велит насыпать над ними высокую башню. Сюй Сюань уходит в монахи и становится учеником Фа Хая. Впоследствии этот сюжет претерпел значительные изменения и превратился в одну из четырех известных любовных повестей²¹.

Интересно, что в отличие от истории из сборника *Цзуйча чжигуай* ни в тексте Фэн Мэнлуна, ни в более поздних сюжетах белая змейка не становится буддисткой. Кроме того, в отличие от священных животных белая змейка не была объектом религиозного поклонения. Вероятно, путаница с духами возникла потому, что и Белая ежиха из Тяньцзина, и белая змейка носили одну и ту же фамилию – Бай. Змеи, так же как и ежи, почитались как священные животные, и образ змеи-оборотня мог наложиться на образ священного животного.

В сборнике представлена одна история, в которой человек по ошибке принимает злого духа за священного ежа.

¹⁸ Чжуаньюань – занявший первое место на столичных экзаменах.

¹⁹ *Ли Цинчэн. Цзуйча чжигуай...* С. 208.

²⁰ Русский перевод см.: *Фэн Мэнлун. Легенда о белой змейке // Прodelки праздного дракона: Двадцать пять повестей XVI–XVII веков /* Сост. Д. Воскресенский. М.: Худ. лит., 1989. С. 459–502.

²¹ Помимо истории о Белой змейке, к ним относятся также истории о Лян Шаньбо и Чжу Интай, о Мэн Цзяннуй и о Пастухе и Ткачихе.

Злой дух притворяется едой

Один горожанин ночью шел по меже и по ошибке наступил на что-то мягкое и толстое. Заподозрив, что это еж, он взмолился: «Глупец шел ночью без факела, по ошибке наступил на благородное тело. Глубоко раскаиваюсь и страшусь. Осмеливаюсь молить бессмертных не отягчать мою вину». Закончил молиться и пошел домой. Только дошел до ворот, слышит в зале звон от бросаемой утвари, как будто от фарфоровой посуды. Зашел в комнату, а перед ним все усыпано сломанными чашками и разбитыми плошками. Когда он решил спросить, жена, сердито глянув, сказала: «Ни с того, ни с сего подверглась насилию со стороны злодея, у меня ребра болят и кости ноют. Клянусь, что обязательно отомщу за эту обиду». Домашние сожгли несчетное количество бумажных денег, и ее гнев немного смягчился. Она сказала: «Завтра утром поспеши пожертвовать мне прекрасные вина и изысканные лакомства, тогда исчезну без следа, а в противном случае тебе не жить». У горожанина помутилось в голове, он решил искупить свою вину. Жена впала в бессознательное состояние и не приходила в себя. На следующее утро, взяв кубки для вина, благовония, жертвенные деньги, он пришел на вчерашнее место и расставил все для жертвоприношения. Смотрит, а то, на что он вчера наступил, – это большая тыква. Тут он понял, что ошибся, и стал ругаться. Жена внезапно задрожала и пришла в себя²².

Главный герой этой истории, в темноте наступив на что-то мягкое, ведет себя так, как будто он наступил на бессмертного ежа: причинив физический вред духу, чувствует себя виноватым, боится наказания, просит у него прощение, для избавления жены от вселившегося духа выполняет его волю. Злой дух не называет себя священным ежом, но ведет себя именно так, как обиженное священное животное, а не обычный дух-оборотень: устраивает дома погром, вселяется в жену, через нее объявляет свою волю мужу, приводит жену в бессознательное состояние. Единственное отличие – его речь всем понятна, и для общения не нужно вызывать специалиста. Создается впечатление, что злой дух, увидев ночью ошибку мужчины, решил подшутить над ним, но чары развеиваются, когда выясняется, что он выдает себя за другого.

В двух историях дух обладает чертами и классического животного-оборотня или злого духа, и чертами священного животного.

Терем цветов и плодов

В городе жил носильщик, некто Ся, грубый и сильный. Его жена страдала от злого духа. Когда тот проявлялся, то говорил громким

²² Ли Цинчэн. Цзуйча чжигуай... С. 163.

голосом: «Я в свое удовольствие живу в тереме цветов и плодов. Зачем по заросшей тропинке завлекли меня сидеть в четырех стенах, прятаться и желать смерти?» Договорив, ломал бессчетное количество вещей. Ся не мог больше этого терпеть, приглашал специалистов для изгнания злых духов, но все без толку. Однажды за дровами в печи для обжига достали бамбуковую корзину для цветов. В ней был большой двухголовый еж. Тогда поняли, что это и есть злой дух, и убили его²³.

Этот сюжет интересен тем, что обычно животным-оборотням, в отличие от священных животных, не требуется вселяться в людей, чтобы разговаривать с ними, так как оборотни сами способны принять человеческий облик. Кроме того, здесь дух вселяется в женщину и ломает вещи, так как чувствует себя обиженным, что тоже характерно для священных животных. Но, как и в случае со злыми духами, его нужно было изгнать, для чего приглашались специалисты, а когда его находят, то просто убивают, что тоже возможно в историях о духах-оборотнях. Интересно, что, как и в более ранних текстах, убийство злого духа оказывается делом простым и не имеет никаких губительных для человека последствий.

В сборнике также представлен уникальный сюжет о чудесном супруге, где еж предстает в образе духа-соблазнителя.

Молодой господин Бай

У одного горожанина Моу за кувшином с соленьями нашли белого ежа размером с миску. Тот хотел убить ежа, но жена не позволила. Ночью, когда жена была в полудреме, она увидела, что в комнату вошел молодой человек, лицом бел, полный, в куртке из грубой ткани с широкими рукавами, а по всему телу висит бахрама, как будто весь сухой травой покрыт. Он сказал жене: «Благодарен, что Вы вступились за меня, признателен, что позволили избежать смертельного удара. Испытав Вашу доброту, буду неустанно воздавать добром за добро». Жена спросила, кто он. Тот ответил: «Молодой господин Бай». В процессе разговора он стал шутить, снял обувь, забрался на кровать и сразу ринулся целоваться. Жена хотела сопротивляться, но все ее тело онемело. Он удовлетворил свои желания и ушел. С тех пор, когда видел, что Моу уходит из дома, приходил и оставался на пару ночей. Через полгода жена забеременела. В животе начались страшные боли, как будто в тело вонзалось десять тысяч иголок. От каждого движения она кричала и хотела умереть. Женщина умоляла о пощаде, но господин Бай сказал: «Моя благодарность тебе еще не закончена». Жена, заплакав, сказала: «Из-за незаконнорожденного

²³ Ли Цинчэн. Цзуйча чжигуай... С. 133.

сына терплю такую боль, которую раньше никогда не испытывала». Бай разгневался, но сдержал гнев и ушел. Семья пригласила специалиста, чтобы изгнать злого духа. Сделали воскурения и установили алтарь. Вдруг над алтарем подул ветер и задул свечи, столик наклонился. Глянули, а женщина в комнате испустила дух²⁴.

После этой истории приводится комментарий рассказчика:

За добрый поступок по сохранению жизни отплатили таким способом, потому что это было сделано злым духом. Гуманность женщины принесла вред, скорее всего, тоже из-за этого.

Комментарий, вероятно, потребовался потому, что поведение Бая было непонятным для читателя: злomu духу чужда сама идея воздаяния, а воздаяние добром за добро не может быть губительным для человека. Здесь же дух считает, что делает добро, причиняя женщине страдания. Возможно, странность поведения главного героя объясняется тем, что в нем смешались черты двух разных духов: традиционного ежа-оборотня и священного ежа. Чертами священного ежа можно считать его фамилию – Бай, облик большого белого ежа, а также идею благодарности за спасение жизни. Черты ежа-оборотня: белое лицо, тело, покрытое бахромой (ср. волосы на теле старушки из текста *Тайпин гуан цзи*), умение превращаться в человека и разговаривать, а также мотив соблазнения главной героини. Уникальность этой истории заключается и в том, что женщина забеременела ежом, в то время как обычно от связи с духами рождаются обычные дети.

По-видимому, такое смешение персонажей возникло из-за того, что в Тяньцзине в это время культ священного ежа был настолько популярен, что злой еж-оборотень начал приобретать его черты.

Таким образом, хотя историй о ежах-оборотнях немного, можно сделать некоторые выводы об особенностях сюжетов и образов духов. Уже начиная с самого раннего текста, отрывка из «Си цзин цза цзи», ежи-оборотни являются ночью в доме в виде маленьких седых безобидных старичков. В ранних текстах они могут сохранять зооморфные черты: быть покрыты белой шерстью (модификация иголок) или питаться жуками. Люди вступают с ними в борьбу и убивают. В позднем памятнике у оборотней явных признаков животных уже нет, и при виде человека они исчезают. Во всех этих текстах ежи не идут на контакт с человеком и не вступают с ним в разговор.

²⁴ Ли Цзинчэн. Цзуйча чжигуай... С. 159.

Особняком стоит текст о Фэй Би, который, по-видимому, отражает представления об этих духах, сложившиеся в более южных регионах, в провинции Сычуань. Здесь ежи-оборотни – это духи, имеющие не совсем антропоморфный вид, они никак не связаны с жилищем человека, и встреча с ними губительна.

Следующая группа сюжетов – это тексты о священных ежах (появление в семейном храме, чудесное исцеление госпожой Бай ребенка). Эти сюжеты согласуются с теми представлениями о священных ежах, которые описал в 1940-е гг. Ли Вэйцзу в Пекине.

Отдельно следует рассматривать сюжеты, где еж объединяет черты обычного злого духа («Терем плодов и цветов») или духа-оборотня («Молодой господин Бай») и священного животного. Возможно, такой «смешанный» герой возникает из-за популярности культа священных животных, который начинает постепенно накладываться на образ классического злого духа или животного-оборотня. Интересно, что в современной массовой культуре дух-еж представлен именно как священный еж, а не злой дух-оборотень или седовласый старик/старушка.

Литература

- Алимов 2008 – *Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Наука, 2008. 284 с.
- Алимов И.А., Кравцова 2014 – *Алимов И.А., Кравцова М.Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: В 2 ч. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. Ч. 1. 1408 с.; Ч. 2. 1408 с.
- де Гроот 2000 – *Гроот Я.Я.М., де.* Демонология Древнего Китая. СПб.: Евразия, 2000. 346 с.
- Рифтин 1972 – *Рифтин Б.Л.* Герои и сюжеты китайских сказок // Китайские народные сказки. М.: Худ. лит., 1972. С. 5–24.
- Рифтин, Хасанов 1977 – *Рифтин Б.Л., Хасанов М.А.* Художественный мир дунганской сказки // Дунганские народные сказки и предания / Сост. Б. Рифтин, М. Хасанов. М.: Наука, 1977. С. 5–34.
- Тертицкий 2006 – *Тертицкий К.М.* Культ лисицы в Маньчжурии (1920–1940-е годы) // Религиозный мир Китая 2005. М.: РГГУ. С. 273–305. (Серия *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности, вып. 9 / Под ред. И.С. Смирнова.)
- Li Wei-tsu 1948 – *Li Wei-tsu.* On the Cult of the Four Sacred Animals (四大門) in the Neighbourhood of Peking. *Folklore Studies*. 1948. No. 7. P. 1–94.
- Е Тао 1994 – *Е Тао.* Чжунго цзинцзюй сису [Традиции китайской пекинской оперы]. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1994. 249 р.

- Ли Цзюньлин, Дин Жуй 2014 – *Ли Цзюньлин, Дин Жуй*. Цзиньдай Бэйцзиндэ сы да мэнъ синьян сань ти [Три вопроса современных верований о четырех священных животных в г. Пекине] // Миньсю яньцзю. 2014. № 1. С. 152–159.
- Ли Цяо 1996 – *Ли Цяо*. Чжунго ханъе шэнь [Китайские божества-покровители профессий]. Тайбэй: Юньлун чубаньшэ, 1996. Т. 2. 245 p.
- Лю Чжэньтай 2007 – *Лю Чжэньтай*. Дунбэй дицзюй дисянь синьяндэ жэньлэйсюэ яньцзю [Антропологическое исследование верований в земных бессмертных на северо-востоке Китая] // Гуанси миньцзю дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2007. № 2. С. 15–20.

References

- Alimov, I.A. (2008), *Besy, lisy, duhi v tekstah sunskogo Kitaia* [Demons, foxes, ghosts in texts of the Song China], Nauka, St. Petersburg, Russia, 284 p.
- Alimov, I.A. and Kravtsova, E.M. (2014), *Istoriia kitaiskoi klassicheskoi literatury s drevnosti i do XIII v.: poeziia, proza: v 2 ch.* [The history of classical Chinese literature from the ancients to 13th C. Poetry, prose], Peterburgskoe vostokovedenie, St. Petersburg, Russia, part 1, 1408 p., part 2, 1408 p.
- Groot, J.J.M., de (2000), *Demonologiia drevnego Kitaia* [Demonology of ancient China], Evraziya, St. Petersburg, Russia, 346 p.
- Li, Junlin and Ding Rui (2014), “Three Issues of the Cult of Four Sacred Animals in Beijing”, *Minsu yanjiu*, no. 1, pp. 152–159.
- Li, Qiao (1996), *Zhongguo hangye shen* [Chinese gods of professions], vol. 2, Yunlong chubanshe, Taipei, China, 245 p.
- Li, Wei-tsu (1948), “On the Cult of the Four Sacred Animals (四 大門) in the Neighbourhood of Peking”, *Folklore Studies*, no. 7, pp. 1–94.
- Liu, Zheng'ai (2007), “Anthropological Study of the Earthly Immortals Belief in Northeast China”, *Guangxi minzu daxue xuebao (zhexue shehui kexueban)*, no. 2, pp. 15–20.
- Riftin, B.L. (1972), “Heroes and plots of Chinese fairy-tales”, in *Kitaiskie narodnye skazki* [Chinese folk tales], Hudozhestvennaia literatura, Moscow, Russia, pp. 5–24.
- Riftin, B.L., Hasanov, M.A. (1977), “The artistic world of the Donggan fairy-tail”, in Riftin, B.L., Hasanov, M.A. (eds), *Dunganskii narodnye skazki i predaniia* [The Donggan folk tales and legends], Nauka, Moscow, Russia, pp. 5–34.
- Tertitskii, K.M. (2006), “Fox cult in Manchuria in 1920-1940th” in Smirnov, I.S. (ed.), *Religioznyi mir Kitaia 2005* [Religious world of China], RGGU, Moscow, Russia, pp. 273–305 (Series: Orientalia et Classica. Proceedings of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity, issue 9).
- Ye, Tao (1994), *Zhongguo jinju xisu* [Traditions of Peking Chinese opera], Shaanxi renmin chubanshe, Xian, China, 249 p.

Информация об авторе

Ольга М. Мазо, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; *olga_mazo@list.ru*

Information about the author

Olga M. Mazo, assistant professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia;

Higher School of Economics – National Research University, Moscow, Russia, bld. 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia; *olga_mazo@list.ru*